

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 433–439

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 433–439

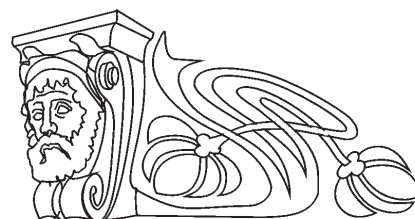
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-433-439>, EDN: UEKKPB

Научная статья

УДК 327.2

Политические аспекты обеспечения экологической безопасности в условиях вооруженных конфликтов

С. И. Араев, Р. В. Осокин ✉

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Араев Сергей Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, sergejaraev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0203-7183>

Осокин Родион Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, osokin.rodion@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6913-8675>

Аннотация. В XXI в. военные конфликты продолжают выступать инструментом разрешения неурегулированных политическими методами межгосударственных противоречий. При этом методы применения военной силы и средства поражения претерпели существенные изменения, став точнее, мощнее и разрушительнее. От их применения человечество несет ущерб не только в социально-экономической, но и в экологической сферах. Действующий политический механизм предотвращения и урегулирования военных конфликтов продолжает оставаться сдерживающим фактором в эскалации вооруженных конфликтов, однако нуждается в модернизации с учетом современных реалий. В статье рассмотрено влияние военных конфликтов на экологическую безопасность и политические аспекты ее обеспечения с учетом современной военно-политической обстановки.

Ключевые слова: военная политика, военный конфликт, военно-политическая обстановка, национальная безопасность, экологическая безопасность

Для цитирования: Араев С. И., Осокин Р. В. Политические аспекты обеспечения экологической безопасности в условиях вооруженных конфликтов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 433–439. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-433-439>, EDN: UEKKPB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political aspects of ensuring environmental safety in the context of armed conflict

S. I. Araev, R. V. Osokin ✉

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia

Sergey I. Araev, sergejaraev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0203-7183>

Rodion V. Osokin, osokin.rodion@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6913-8675>

Abstract. In the 21st century, military conflicts continue to act as a tool for resolving interstate contradictions that are not settled by political methods. At the same time, methods of using military force and means of destruction have undergone significant changes, becoming more accurate, more powerful and more destructive. Humanity suffers damage from their use not only in the socio-economic, but also in the environmental spheres. The current political mechanism for the prevention and settlement of military conflicts continues to be a deterrent to the escalation of armed conflicts, but needs to be modernized taking into account modern realities. The article examines the impact of military conflicts on environmental security and political aspects of its provision, taking into account the current military-political situation.

Keywords: military policy, military conflict, military-political situation, national security, environmental security

For citation: Araev S. I., Osokin R. V. Political aspects of ensuring environmental safety in the context of armed conflict. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 433–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-433-439>, EDN: UEKKPB

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении всей истории человечества военная сила играет существенную роль в межгосударственных отношениях, зачастую выступая решающим фактором в разрешении политических споров. Формы ее проявления могут быть различными: от угрозы применения и открытой демонстрации до прямого вооруженного столкновения – военного конфликта. Он во всех формах своего проявления – от военной провокации до полномасштабной (мировой) войны – является следствием неразрешенного политического противоречия, вызванного проводимой правящими кругами политикой, обусловлен конкретно-исторической обстановкой, уровнем технологического развития общества, преобладающими в правящих кругах взглядами на возможности и границы применения военной силы при разрешении политических споров. Одно остается неизменным – человеческие жертвы и разрушения, а также ущерб окружающей природной среде. Так, применение вооруженного насилия при разрешении политических противоречий в XVII в. унесло более 3 млн человеческих жизней, в XVIII в. – 5 млн, в XIX в. – 6 млн. Самым же кровопролитным в истории человечества стал XX в.: жертвами Первой мировой войны стали более чем 10 млн человек, во Второй мировой погибли более 55 млн жителей планеты, из них более половины пришлось на Россию и другие государства на постсоветском пространстве [1].

Противостояние между капиталистическими странами под предводительством США и социалистическим блоком во главе с СССР также внесло свою черную лепту в историю жертв вооруженных конфликтов. В военных конфликтах на Корейском полуострове, во Вьетнаме, в Афганистане, Палестине и других «горячих точках», выступивших ареной для столкновения геополитических интересов мировых держав, погибли более 10,5 млн человек¹. Развязанные «коллективным Западом» вооруженные конфликты в XXI в. продолжают уносить тысячи человеческих жизней. Специальная военная операция России на Украине стала самым крупномасштабным вооруженным противостоянием после Второй мировой войны, ареной военного противостояния России и стран НАТО.

¹ После II Мировой войны в вооруженных конфликтах с участием государства погибло более 10,5 миллиона человек. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/barom01.php> (дата обращения: 10.03.2025).

Применение военной силы для разрешения антагонистических политических противоречий основывается на принятых в государстве политико-правовых документах (концепциях, стратегиях, доктринах и др.), содержание, характер и направленность которых определяются объективными и субъективными факторами. Объективные основываются на гуманистических принципах: осознании своей исторической роли и места в мировой цивилизации, ответственности за будущее человечества и своего народа и др. Субъективные вытекают из природы самого человека в его стремлении к доминированию и власти, личных морально-нравственных регуляторов, уровня образованности и культуры.

В совокупности эти факторы определяют принятые в государстве подходы и основания для применения военной силы, готовность следовать силовому сценарию и устанавливают его границы, а также определяют виды применяемых средств поражения. То есть в данном случае речь идет о проводимой государством военной политике. Например, в военной доктрине Российской Федерации определено, что военная политика – это деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников. Такой же контекст имеет и военная доктрина Союзного государства России и Белоруссии.

На развитие военной политики государств огромное влияние оказало появление оружия массового поражения, первым видом которого явилось химическое оружие. Во время Первой мировой войны германские военно-политические круги рассматривали его как эффективное средство на поле боя против Антанты, однако осознание безнаказанности быстро прошло ввиду ответного применения отравляющих веществ против самой Германии. Кроме того, достаточно быстро были разработаны меры защиты от химического оружия, что свело к минимуму потери от его применения. И хотя все противоборствующие стороны активно применяли отравляющие вещества до конца войны практически на всех театрах военных действий, применение этого оружия не позволило достичь целей ни стратегического, ни оперативного масштаба. Эффект от его применения ограничивался лишь тактическими успехами. Тем не менее, по различным оцен-

кам, общие потери от химического оружия оцениваются в 1,3 млн человек, в том числе до 100 тыс. человек со смертельным исходом [2, с. 7].

Как результат бесперспективности и опасности для человечества применения химоружия стало подписание 17 июня 1925 г. Женевского протокола о запрещении применения во время войны удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Документ был подписан представителями 37 государств и не имел ограничений по срокам действия, т. е. является бессрочным². В настоящее время членами протокола являются 146 государств.

Вместе с тем протокол не остановил процесс разработки химических средств поражения, и к началу Второй мировой войны противоборствующие стороны имели достаточно большие их запасы. После войны накопление запасов химического оружия продолжилось. К моменту заключения в 1993 г. Конвенции о запрещении разработки химического оружия и уничтожении его запасов в Российской Федерации было накоплено около 40 000 тонн отравляющих веществ различных классов, уничтожение которых было завершено в сентябре 2017 г. Технический секретариат Организации по запрещению химического оружия официально это подтвердил.

США в 1993 г. имели около 30 000 тонн отравляющих веществ, однако отставали от России на шесть лет в сроках его уничтожения. Последний американский боеприпас был уничтожен 7 июля 2023 г. на экспериментальном заводе по уничтожению химических веществ Blue Grass в штате Кентукки. Это событие ознаменовало завершение уничтожения всех заявленных запасов химического оружия в мире.

Несмотря на то, что формально заявленного химоружия в мире не осталось, вооруженный конфликт на Украине показывает, что химическое оружие отнюдь не анахронизм прошлого, к тому же запрещенный в международном политико-правовом поле. Так, по данным Минобороны России, за время специальной военной операции специалистами войск радиационной, химической и биологической защиты (далее – РХБЗ) было выявлено и зафиксировано более

400 случаев применения украинской стороной токсичных химикатов различных классов, в том числе общедовитого и раздражающего действия, установлен и подтвержден факт наличия мощностей по их производству [3]. В военном отношении применение Украиной запрещенных химических отравляющих веществ не способно изменить ситуацию в оперативном и даже тактическом масштабе. Тем не менее, его применение украинскими вооруженными формированиями представляет источник и угрозу экологической безопасности, прежде всего для территорий и мирного населения, являясь преступлением против мира и человечества.

Ущерб для окружающей природной среды в результате применения химического оружия никогда не оценивался, однако использование отравляющих веществ типа «иприт» и «VX», а также содержащих мышьяк ирритантов в силу их физико-химических свойств и компонентов способно на месяцы сделать местность непригодной для нахождения на ней человека без средств индивидуальной защиты.

Существенным фактором в проведении государствами военной политики стало появление ядерного оружия. Оно также кардинально изменило военную стратегию, значительно повлияло на подходы к обеспечению национальной безопасности государств. Применение Соединенными Штатами Америки ядерного оружия против Японии показало его огромную разрушительную силу, положило начало ядерному противостоянию и гонке ядерных вооружений в мире.

Поступательное и неконтролируемое наращивание сначала ядерного, а затем ракетно-ядерного потенциала США и СССР в сочетании с агрессивной политикой американских правящих кругов привело мир к порогу глобальной катастрофы, которой мог стать Карибский кризис в 1962 г. Однако сложившееся примерно равное соотношение сил предотвратило начало войны. После его завершения военно-политические круги США перешли от стратегий угрожающего воздействия и прямого противостояния к стратегии гибкого реагирования – допустимости использования ядерного оружия не только в тотальном, но и в ограниченном военном конфликте.

В дальнейшем взгляды военно-политического руководства США изменялись, развивались под влиянием различных факторов, одним

² Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.). С. 365. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

из которых являлось наращивание ядерных возможностей их союзников по НАТО – Великобритании и Франции. Это привело к появлению в 1971 г. стратегии реалистического сдерживания (реалистического устрашения), учитывавшей новые возможности союзников США по наращиванию и использованию объединенной военной мощи. Немаловажным обстоятельством в ее реализации стала лояльность политического руководства европейских государств к размещению средств ракетно-ядерного нападения на континенте. В результате гонка ядерных вооружений получила новый виток, связанный с размещением в Европе баллистических ракет средней дальности, кроме того, в США разрабатывалась так называемая программа стратегической оборонной инициативы, предусматривавшая милитаризацию космического пространства.

Начавшийся в середине 1980-х гг. процесс разрядки в международных военно-политических отношениях между СССР (в дальнейшем его правопреемницей – Российской Федерацией) и США привел к подписанию ряда важнейших политических документов: Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД, 1988 г.), Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1, 1991 г.), Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНВ-2, 2002 г.).

В дальнейшем сокращение стратегических наступательных вооружений ведущих ядерных держав продолжилось. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (официальное название) был подписан президентами России и США 8 апреля 2010 г. в Праге. Он заменил СНВ-1 и СНВ-2 и неофициально именуется СНВ-3. Действие Договора СНВ-3 было рассчитано на 10 лет (до февраля 2021 г.), при этом он допускал, что стороны могут договориться о продлении его действия на период не более пяти лет. Договор также включает положение о выходе из него.

В настоящее время ни одна из сторон не заявила о выходе из Договора, но и каких-либо шагов в сторону подготовки всех необходимых процедур, обеспечивающих дальнейшее функционирование этого важного международно-правового механизма взаимного ограничения

ракетно-ядерных арсеналов, не происходит. Российские предложения Соединенными Штатами Америки не обсуждаются, какие-либо свои инициативы ими не выдвигаются. Таким образом, складывается опасная ситуация политико-правового вакуума в сфере ядерного сдерживания. Отчасти такое положение дел объясняется позицией политического руководства США, рассчитывающего с помощью украинского режима ослабить Россию в интересах собственного доминирования в ядерной сфере. Несмотря на возобновление внешнеполитических контактов между Россией и США после прихода в Белый дом новой администрации, вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений пока что не являются приоритетными.

Наносимые киевским режимом (не без технической и разведывательной помощи стран НАТО) удары БПЛА в глубь территории России по местам базирования ее стратегической авиации, а также по системам предупреждения о ракетном нападении, безусловно, являются конкретными действиями, направленными на ослабление нашего стратегического оборонного потенциала. Данные действия являются прямой провокацией, поскольку одним из условий, определяющих возможность применения Российской Федерацией ядерного оружия, является воздействие противника на ее критически важные военные объекты, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил. Это положение закреплено в основах государственной политики России в области ядерного сдерживания.

Вместе с тем стоит заметить, что отсутствие четко обозначенной и закрепленной в политико-правовом отношении позиции политического руководства США об условиях и пороге, за которыми последует применение американской стороной ядерного оружия, ведет к неоднозначности позиции ее военного руководства по этому вопросу. Как заявлял представитель Стратегического командования американского военного ведомства контр-адмирал Томас Бьюкенен, США допускают такой обмен ядерными ударами, при котором Вашингтон сохранит часть своего арсенала для дальнейшего сдерживания потенциальных противников³.

³ Пентагон допустил обмен ядерными ударами при одном условии. URL: <https://ria.ru/20241121/ssha-1984923365.html> (дата обращения: 10.03.2025).

В ответ на политику двойных стандартов и прямые агрессивные действия США Российская Федерация изменила формат своего участия в ряде международных договоров в сфере обеспечения ядерной безопасности. В связи с неспособностью США обеспечить выполнение принятых обязательств по утилизации избыточного оружейного плутония Россия с 3 октября 2016 г. приостановила действие соглашения о его утилизации. 4 марта 2019 г. было приостановлено участие России в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а в 2023 г. наша страна вышла из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Применение баллистической ракеты средней дальности системы «Орешник» стало явным сигналом США о готовности нашей страны к любому варианту развития событий вокруг Украины. Размещение данных систем на территории Белоруссии становится адекватным сдерживающим ответом на продолжающуюся милитаризацию сопредельных с союзным государством России и Белоруссии территорий Польши и Прибалтики.

Вместе с тем ядерный паритет ведущих мировых государств пока еще является той сдерживающей силой, которая удерживает мир от большой войны, а наличие систем вооружения, сопоставимых по мощности с ядерным оружием, – хорошим военным ответом на агрессивные планы наших политических противников.

Отход политического руководства НАТО от твердой позиции недопустимости применения оружия массового поражения ведет к изменению взглядов военного руководства на стратегию и тактику ведения боевых действий. Как показывает ход событий специальной военной операции, удары обычными средствами поражения по критически важным с точки зрения воздействия на окружающую природную среду объектам могут привести к серьезным последствиям для экологической безопасности не только места расположения таких объектов, но и всего региона в целом. Такое воздействие выражается не только в прямом разрушении или уничтожении, но и в изменении производственного цикла особо опасных промышленных объектов в результате воздействия на них военных средств поражения. В первую очередь, речь идет об атомных электростанциях и объектах химической и нефтехимической

промышленности, многие из которых традиционно, еще со времен СССР, были расположены в восточной части Украины.

В данной связи следует напомнить, что вследствие техногенной аварии на Чернобыльской АЭС только около 5% радиоактивных продуктов, накопившихся за годы работы в реакторе, вышло за пределы промышленной площадки станции. В соответствии с метеорологической обстановкой радиационные продукты в первые 4–5 дней после аварии распространились на большие расстояния в различных направлениях, в том числе на территории Восточной Европы и Скандинавского полуострова [4, с. 7].

Повышение уровней загрязнения (выше фоновых в 10–50 раз) наблюдалось практически по всей юго-западной части европейской территории СССР. Площадь с повышенным уровнем радиации превысила 200 тыс. км². Часть территорий, непосредственно примыкающих к АЭС, с высоким уровнем радиации признаны непригодными для проживания населения и ведения сельского хозяйства и в настоящее время отчуждены на длительное время (площадь этой зоны составляет около 900 км²). В этой зоне основную опасность определяет наличие большой плотности загрязнения долгоживущим (около 30 лет) изотопом стронция Sr⁹⁰. Для сравнения: период полураспада плутония и урана, являющихся компонентами ядерного боеприпаса, составляет миллионы лет [4, с. 11]. Аналогичная ситуация с отчуждением территорий и распространением морскими течениями радионуклидов наблюдается и в Японии в районах АЭС Фукусима-1 и Фукусима-2.

Прямую угрозу экологической безопасности создает применение боеприпасов с обедненным ураном, входящих в штатный боекомплект танков и авиации стран НАТО и активно применявшихся при вторжении в Югославию и Ирак. В настоящее время, в связи с передачей странами НАТО соответствующей техники, возможно их применение киевским режимом на территориях Украины и России.

Исходя из вышеизложенного, проблема обеспечения экологической безопасности все более акцентированно проявляется в ходе военных конфликтов. Тем самым она становится неотъемлемой частью мировой политики, одним из приоритетов внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Безусловно, защита национальных интересов России и ее граждан включает в себя защиту экологических интересов – обеспечение здоровых и безопасных условий, гарантирующих жизнь и развитие наших будущих поколений. Организация их обеспечения возлагается на государство, но также необходимо привлечение к решению этой задачи гражданского общества. Однако нужно отметить то, что военные аспекты в обеспечении экологических интересов и экологической безопасности находятся в компетенции государственного и военного управления. При этом границы и степень воздействия на опасные с экологической точки зрения объекты должны определяться не субъективными факторами и конкретной обстановкой на линии боевого соприкосновения, а носить характер принятых в государстве военно-политических установок в соответствии с нормами международного права.

Так, Протокол I к Женевским конвенциям запрещает «применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде». Римский статут 1998 г., учредивший Международный уголовный суд, устанавливает, что причинение обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде в нарушение принципа пропорциональности является военным преступлением. Международное право запрещает разрушать сельскохозяйственные угодья и сооружения для снабжения питьевой водой⁴. То есть роль международного права, регулирующего правила ведения вооруженных конфликтов, не должна отвергаться их участниками.

Так как экологическая безопасность находится в фокусе внимания не только государственных, но и международных политических институтов, то ее обеспечение становится частью проводимой ими экологической политики, которая включает в себя межуровневое взаимодействие государств, общественных и неправительственных организаций, а также международных организаций в решении проблем в области охраны окружающей среды на региональном, национальном и международном уровне [5, с. 22].

⁴ Войны наносят тяжелый ущерб природе. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434362> (дата обращения: 02.03.2025).

Страны Европы занимают лидирующие позиции в развитии экологической политики как на европейском континенте, так и в мире. Сегодня уже можно констатировать, что некогда новый этап в развитии экологической политики, характеризующийся принятием общеевропейского политического курса с преобладающим экологическим императивом – включение широкого круга политических субъектов в процесс формирования экологической повестки, массовое насаждение экологических ценностей, борьба за международное лидерство в области экологии и другое, привел к изменению политического ландшафта. Представители «зеленых» занимают прочные позиции в парламентах и правительствах европейских стран, существенно влияя на общеевропейскую политику. Как отмечают российские исследователи, состояние окружающей среды и экологическая безопасность стран Европейского союза, их политическая позиция во многом опираются на взаимоотношения с другими европейскими странами и зависят от них [6, с. 3].

В настоящее время политическая позиция ЕС по отношению к России носит конфронтационный характер. Обеспечение полной независимости от российских энергоресурсов является одним из направлений санкционного давления на Россию и позволяет оправдывать периодически возникающие трудности с переходом на экологически безопасную энергетику. Однако, несмотря на фактическую заморозку политических отношений с ЕС после начала специальной военной операции, в вопросах общеевропейской безопасности Российское государство открыто для взаимодействия на международном уровне, например в контактах с Международным агентством по атомной энергии в части мониторинга обстановки вокруг Запорожской АЭС.

Таким образом, в складывающейся международной военно-политической обстановке, когда существенно возрос риск применения оружия массового поражения, а также имеет место применение обычных средств по объектам критической инфраструктуры с негативными последствиями для окружающей природной среды, существенно возросли экологические риски развития человечества. В этой связи требуется уточнение содержания проводимой экологической политики России на глобальном и государственном уровнях, разработка ее

теоретических основ в условиях современных вооруженных конфликтов. Кроме того, представляется необходимой координация усилий на международном уровне по выработке эффективного политического механизма ограничения и противодействия неизбирательному применению средств вооруженного насилия в вооруженных конфликтах.

Список литературы

1. Квасов Г. Б., Пошвин А. И. Война как острейшая форма социально-политического конфликта (на примере Второй мировой войны) // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2010. № 1. С. 115–121. EDN: WFFGQZ
2. Александров В. Н., Емельянов В. И. Отравляющие вещества : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Воениздат, 1990. 272 с.
3. Бойко А. Украинских военных готовят к применению химических боеприпасов. URL: <http://kr-gu.turbopage.org/kr.ru/s/daily/27626/49> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Израэль Ю. А. Радиоактивное загрязнение природных сред в результате аварии на Чернобыльской атомной станции. М. : Изд-во «Комтехпринт», 2006. 28 с.
5. Матвеева Е. В. Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2012. 42 с.
6. Гусев А. А. Экологическая политика Европейского союза в контексте концепции устойчивого развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010. 43 с.

Поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025